

ENSURING THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL IN PRE-TRIAL PROCEEDING

© 2014

Shamonova T.N., assistant professor
International university, Moscow (Russia)

Annotation: In this article the problem of ensuring the rights of the individual in pre-trial proceedings, particularly at the stage of a criminal case. Substantiates the need to clarify and supplement the legal status of persons involved in the test before the criminal case, including a specialist, which is important for practical needs.

Keywords: Stage of the criminal complaint, checking statements about the crime, the rights and obligations of participants checking participation of counsel.

УДК 347.734

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ФЗ-23 ОТ 4 МАРТА 2013 ГОДА

© 2014

Шейфер С.А., доктор юридических наук, профессор
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Аннотация: Анализируя последние изменения уголовно-процессуального законодательства в контексте определения сущности и содержания стадии возбуждения уголовного дела, автор приходит к выводу о смещении центра доказывания из стадии предварительного расследования в стадию возбуждения уголовного дела и показывает отрицательный эффект такого регулирования.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, доказывание, доказательства, следственная проверка, процессуальные гарантии.

Оценивая новеллы, внесенные в правовое регулирование доказывания ФЗ-23 от 4 марта 2013 года «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», следует принять во внимание издавна ведущую в процессуальной литературе дискуссию о сущности и задачах стадии возбуждения уголовного дела, доказательственном значении полученных при ее осуществлении сведений и, вообще, о целесообразности ее сохранения в отечественном судопроизводстве.

Критическая оценка стадии возбуждения уголовного дела имеет своим основанием в первую очередь, так называемую следственную проверку — действия управомоченных должностных лиц, производимые с целью выявления наличия или отсутствия в поступивших сообщениях и материалах признаков преступления (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Отметим, что еще Концепция судебной реформы в РСФСР, одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 года, предлагала отказаться от следственной проверки, то есть по существу и от выделения самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела. Ссылаясь на положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г., согласно которым подача жалобы обязательно влекла начало следствия, авторы Концепции предлагали возбуждать уголовные дела по заявлениям и сообщениям без их предварительной проверки. Они полагали, что «всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна ложность»

следует рассматривать «как безусловный повод к возбуждению уголовного дела». Критическое отношение к стадии возбуждения уголовного дела обосновывалось тем, что ее ядро — следственная проверка, не только порождает волокиту и напрасную трату процессуальных усилий органов расследования, но и фактически превращается в суррогат предварительного расследования, проводимого, однако, без соблюдения тех процессуальных гарантий, которыми неофициальные участники процесса наделяются в ходе расследования, между тем, как игнорирование этих гарантий может причинить ущерб лицам, которые, хотя и не приобрели еще процессуальный статус, но привлекаются к следственной проверке в качестве будущих подозреваемых, свидетелей и потерпевших. Предложения об упразднении стадии возбуждения уголовного дела высказаны и рядом ученых процессуалистов. Так, Ю.В. Деришев, на основе обстоятельного анализа стадии, исходил из того, что рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении, это не более, чем начальный момент предварительного расследования. Автор считал стадию возбуждения уголовного дела реликтом социалистической законности [1].

Однако, далеко не все исследователи оценивали эту стадию столь же критично, усматривая в ней и положительные стороны. Так, обращалось внимание на необходимость ограничения в ходе следственной проверки случаев смерти людей при невыясненных обстоятельствах от криминальных событий с тем, чтобы предотвратить на-

прасную трату трудовых усилий органов расследования.

Такое же положение относится и к отграничению в ходе проверки административных правонарушений от сходных с ними, но отличающийся большей общественной опасностью уголовных правонарушений, т.е. преступлений. Кроме того, в ходе проверки определяется подследственность возбуждаемого дела соответствующему органу расследования по признаку тяжести вреда, причиненного преступлением, что исключает дублирование работы различных органов правоохраны.

Соглашаясь с целесообразностью сохранения стадии, нам, однако, представляется несомненным, что ее задачей нельзя считать бесспорное установление факта совершения преступления, то есть выявление на уровне достоверности всех субъективных и объективных элементов состава преступления, ибо это — задача последующей стадии — предварительного расследования. В подтверждение сказанного сошлемся на ч. 2 ст. 140 УПК — основаниями для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а вовсе не на состав преступления, что ограничивает цель стадии получением лишь вероятного, а не достоверного знания о совершении преступления. Можно утверждать, что установление признаков преступления отнюдь не равнозначно достоверному установлению состава преступления, поэтому обоснованное возбуждение уголовного дела вполне совместимо с выявлением в последующем факта отсутствия события или состава преступления и вслед за этим прекращения дела, которое должно оцениваться не как «брак в работе следователя», а как закономерный результат расследования.

Однако законодатель не разделил ни первую, ни вторую точку зрения, сохранив в УПК РФ стадию возбуждения уголовного дела, обязанность органов расследования принимать и проверять сообщения о совершении преступления и, вместе с тем, постоянно расширяя рамки доследственной проверки. Этим органы расследования фактически ориентировались на достоверное установление на данном этапе процесса всех обстоятельств исследуемого события. Между тем, и в УПК РСФСР 1960 г. и в новом УПК РФ 2001 четко разграничивались познавательные задачи стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. По УПК РСФСР на первой стадии такой задачей было установление лишь признаков преступления, причем с учетом скромных возможностей доследственной проверки вывод о их наличии мог носить лишь вероятный, а не достоверный характер. В основе своей такой же была и познавательная задача стадии по УПК РФ. Достоверное же установление виновности и всех других обстоятельств, подлежащих доказыванию, всегда составляло задачу стадии предварительного расследования.

Стремление предугадать и обосновать «судебную перспективу» сообщений о совершении преступления постоянно побуждало следственную практику расширять рамки доследственной проверки, применяя для этого различные приемы.

Так, изначально ч. 4 ст. 146 УПК РФ устанавливала, что к постановлению о возбуждении уголовного дела должны прилагаться материалы проверки сообщений о преступлениях, а в случаях производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установления лица, его совершившего (осмотр

места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы), соответствующие протокол и постановление. Этим узаканивалось применение в ходе доследственной проверки следственных действий, хотя по общему правилу они могли производиться только после возбуждения уголовного дела.

Существенные дополнения и изменения в круг приемов доследственной проверки внес ФЗ №92 от 21 июня 2003 года, предусмотрев право органов расследования при проверке поступивших сообщений о преступлениях требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов (ч. 1 ст. 144). Таким образом были восстановлены некоторые положения УПК РСФСР и, вместе с тем, из числа проверочных действий было исключено назначение экспертизы.

Как известно, предварительное расследование было существенно реформировано Федеральным законом №87 от 5 июня 2007 г. «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Однако закон оставил неизменным круг приемов доследственной проверки, установленный в прежних редакциях ст. 144 УПК.

Но, дальнейшее развитие правовой регламентации способов доследственной проверки пошло по линии существенного их расширения. Так, ФЗ №19 от 9 марта 2010 года, к уже закрепленным в УПК приемам, было добавлено право органов расследования требовать исследования документов, предметов и трупов, т.е. применения известных еще УПК РСФСР экспертных исследований, проводимых без соблюдения процессуальной формы. ФЗ № 104 от 28 декабря 2010 года добавил к этому перечню право давать органам дознания обязательное для исполнения поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Радикальное расширение круга приемов доследственной практики произошло с принятием ФЗ № 23 от 4 марта 2013 года. К предусмотренным ранее средствам проверки — следственным действиям — осмотру, освидетельствованию, а также к требованию о проведении ревизий и документальных проверок, и к добавленным позже исследованию документов, предметов, трупов, проведению оперативно-розыскных мероприятий, дополнительно включены получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование и изъятие («в порядке, установленном УПК») предметов и документов, назначение судебной экспертизы, осмотр не только места происшествия, но и документов, предметов (ч. 1 ст. 144 УПК).

Напомним, при этом, что согласно закону (ч. 1 ст. 86 УПК), способами собирания доказательств являются следственные и «иные процессуальные действия». В связи с этим возникает вопрос — можно ли считать закрепленные в ч. 1 ст. 144 УПК приемы доследственной проверки процессуальными действиями.

Представляется, что «процессуальность» тех или иных действий напрямую связана с их допустимостью, в первую очередь, с соблюдением закрепленных в законе правил их проведения (ст. 75 УПК РФ). И с этой точки зрения большинство проверочных действий, кроме следственных, оказываются непроцессуальными, так как закон не определяет процедуры их проведения. Неясным выглядит положение ч. 1 ст. 144 о том, что изъятие

предметов и документов должно происходить в порядке, установленном УПК, ибо УПК устанавливает порядок не изъятия, а обыска или выемки, каковые, по-видимому, имеются в виду в данном случае. В УПК четко определен порядок допроса, осмотра и других следственных действий, но ничего не говорится о порядке получения объяснений, истребования предметов и документов, исследования трупов, предметов и документов. Вскоре после принятия УПК РФ Ю.В. Деришев, критиковавший «доследственную проверку» полагал, что ее правовая природа носит ярко выраженный характер административной полицейской деятельности[2]. Эта мысль находит подтверждение при анализе законодательства об административных правонарушениях. Так, ст. 26.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях устанавливает порядок получения объяснений, ст. 26.10 - истребование сведений, ст. 27.10 - изъятие вещей и документов. Фактически ФЗ от 4 марта 2013 года включает в число средств уголовно-процессуального познания административные приемы доказывания.

По-видимому, исходя из несовместимости уголовно-процессуальных и административно-процессуальных действий, законодатель пытается «опроцессуализировать» новые приемы доследственной проверки. Ч. 1¹ ст. 144 УПК устанавливает, что «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК... в том числе права не свидетельствовать против себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников... пользоваться услугами адвокатов, а также приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК».

Это предписание порождает ряд вопросов, на которые трудно дать ответ.

Прежде всего, отметим нелегитимность утверждения о том, что участникам доследственной проверки разъясняются их права, «предусмотренные УПК РФ». Этот акт предусматривает права, которыми наделены участники процесса - свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, но никак не лица, дающие объяснения, представляющие по запросу предметы и документы и т.п. Права этих лиц в УПК не предусмотрены и предусмотрены быть не могут, так как данные лица не являются участниками процесса.

Неясной становится и правовая природа проверочных действий. Наделение лица, дающего объяснения, свидетельским иммунитетом, правом иметь адвоката и обжаловать действия и решения органа расследования, рождает вопрос - чем получение объяснений отличается от допроса? Появляется своеобразный гибрид процессуального и административного действия. Это же относится и к изъятию предметов и документов «в порядке, установленном УПК», о чем уже говорилось.

Все сказанное выше позволяет констатировать: законодатель, идя навстречу стремлениям органов расследования обеспечить «судебную перспективу» каждому возбужденному ими уголовному делу, постоянно, хотя и не вполне последовательно расширял круг средств доследственной проверки, сближая ее с предварительным следствием и ослабляя значение конституционного требования допустимости доказательств. Существенные

преобразования коснулись и традиционных постулатов теории доказательств. Эти направления развития законодательства требуют более детального исследования.

С принятием УПК РФ утратил дискуссионный характер вопрос о том, можно ли считать доказательствами материалы, полученные в стадии возбуждения уголовного дела. Представляется, что относящиеся к делу результаты проведенных здесь следственных действий, являются допустимыми, поскольку соблюдена соответствующая процедура их получения, следовательно, есть основания считать их доказательствами. Также можно считать допустимыми при определенных условиях истребованные акты ревизий и документальных проверок. Таким образом, круг доказательств, получаемых в стадии возбуждения уголовного дела, является ограниченным, отражая различия в познавательных задачах двух смежных стадий, о чем говорилось выше.

С принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года традиционные представления о доказывании кардинально изменились. Расширив до невиданных ранее пределов круг приемов доследственной проверки, включив в них ряд административно-правовых мер, ФЗ установил положения, существенно колеблющие постулаты теории доказательств относительно самого понятия доказательств: способов их получения, специфики и целей доказывания на отдельных стадиях процесса. Суть реформирования состоит в придании доказательственного значения результатам применения не только следственных действий, но и непроцессуальных приемов доследственной проверки. Так, новая ч. 1¹ ст. 144 УПК устанавливает: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 настоящего Кодекса». Это предписание требует разъяснений.

Можно считать, что установленные Федеральным законом условия признания полученных материалов доказательствами - соблюдение положений ст. 75 и 89 УПК РФ, оказываются фактически неприменимыми. Анализ этих норм показывает, что полученные при доследственной проверке сведения изначально не могут им соответствовать. Так, ст. 75 УПК прямо провозглашает, что недопустимыми признаются доказательства, полученные с нарушением требований УПК. Закон и процессуальная наука считают признаками допустимости получение доказательства уполномоченным лицом, от надлежащего источника и с соблюдением требований процедуры их получения. Последнее из этих требований, применительно к новой трактовке доказательств, заведомо невыполнимо, ибо попытки «опроцессуализировать» приемы доследственной проверки в стадии возбуждения дела (кроме следственных действий) не достигают цели, поскольку процедура их проведения отсутствует.

Также неприменимы и положения ст. 89 УПК. Несмотря на то, что эта норма, запрещающая использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым УПК к доказательствам, подвергается справедливой критике (поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности изначально не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам) из нее все же следует, что в своем первоначальном виде результаты ОРД доказательствами считаться не могут.

Учитывая это, проанализируем формулу п.1¹ ст. 144 УПК. Из нее следует, что полученные объяснения, ис-

требуемые и изъятые предметы и документы, акты документальных проверок и ревизий, результаты исследований (очевидно экспертных) документов, предметов, трупов, полученные по поручениям органов расследования, результаты оперативно-розыскных мероприятий могут быть признаны доказательствами.

Кроме того, согласно этой норме, доказательства могут быть получены в результате проведения таких следственных действий, как получение образцов для сравнительного исследования, назначения судебной экспертизы, осмотре места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствования. Хотя УПК РФ и включил получение образцов (ст. 202) в главу 27 (Производство судебной экспертизы), но предусмотрел, что получает образцы следователь. Допуская возможность получения образцов в стадии возбуждения уголовного дела у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля ч. 1 ст. 202 не учитывает, что этих участников в данной стадии еще нет. Но в целом, в том числе на этапе возбуждения дела, получение образцов можно, полагаем считать следственным действием, так как образцы содержат информацию, которая, хотя и опосредованно, используется для достижения цели доказывания.

Анализируя этот расширенный перечень приемов доследственной проверки, следует обратить внимание на несогласованность и противоречивость отдельных формулировок закона.

В чем смысл того, что наряду с назначением судебной экспертизы закон предусматривает и исследование трупов, т.е. мероприятие явно судебно-медицинское? Когда применять каждый из этих приемов и какова целесообразность включения и того и другого в перечень проверочных действий, понять невозможно. Проведение судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела представляется допустимым, ибо оно позволит отделить криминальное событие от некриминальных, дел публичного обвинения от дел частного обвинения. И, хотя в этой стадии процесса еще нет участников процесса, проведение экспертизы не сопровождающихся принуждением, может внести значительный вклад в разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. Поэтому трудно согласиться с В.И. Зажицким, который исходя из того, что в этой стадии отсутствуют правовые предпосылки для производства полноценной судебной экспертизы, считает, что в целях проверки сообщения о преступлении целесообразно проводить исследование в непроцессуальной форме. См.: В.И. Зажицкий. Дополнение ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы // Российская юстиция. 2013. №11. С. 30. Более последовательной представляется позиция Е.А. Зайцевой, которая положительно оценивает возможность проведения экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, вместе с тем предлагает исключить из УПК ч. 1 и 3 ст. 144, предусматривающие проведение специалистом исследований документов, предметов, трупов, что несовместимо с функцией специалиста, неуправомоченного на производство исследования. [3].

Что означает изъятие предметов и документов «в порядке, установленном настоящим Кодексом»? Ведь «изъятие» - это административная мера (ст. 27.10 КоАП), УПК же аналогичное действие именует выемкой (ст. 183 УПК РФ). Складывается впечатление, что законодатель таким путем фактически включает выемку (а возможно и обыск) в число проверочных действий.

Отмеченные ранее стремление законодателя «опроцессуализировать» проверочные действия, в первую очередь, следует отнести к получению объяснений от заподозренного лица. Как отмечает Г.А. Печников, оценивая дознание в сокращенной форме, к которому относятся все отмеченные отступления от правового режима досудебного производства, «вполне возможно, что на практике активность органов дознания будет направлена не на достоверное раскрытие преступлений, а на «делку» - на то, чтобы склонить подозреваемого к сокращенной форме дознания» [4]. Что означает, что такое лицо вправе отказаться от дачи показаний против себя и своих близких, пользоваться помощью адвоката, обжаловать действия и решения органа расследования (ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ)? Не есть ли это такой же суррогат следственного действия — допроса подозреваемого (ст. 76 УПК), как и «изъятие предметов и документов»?

Вот и получается, что фактически круг следственных действий (как предусмотренных УПК, так и «квази» следственных действий), которые могут производиться в стадии возбуждения уголовного дела, мало отличается от познавательного арсенала, которым орган расследования наделен в стадии предварительного расследования.

Сказанное позволяет утверждать, что в стадии возбуждения уголовного дела оказывается применимым такой спектр познавательных приемов, который:

- 1) Является чрезмерно широким и выходит за пределы решения ограниченной познавательной задачи стадии — выявления признаков преступления;
- 2) Мало чем отличается от познавательного арсенала органа государства, которым он наделен для решения задач стадии предварительного расследования;
- 3) Фактически создает возможность установления на уровне достоверности не только оснований возбуждения уголовного дела, но и виновности заподозренного лица.

Из этого следует, что фактически центр доказывания смещается из стадии предварительного расследования в стадию возбуждения уголовного дела. Представляется закономерным усиление негативных тенденций, которые и теперь сопровождают стадию возбуждения уголовного дела: волокиты в решении вопроса о начале производства по уголовному делу, неоправданное дублирование следственных действий, которые придется проводить дважды — до и после возбуждения уголовного дела.

Узаконение упрощенческих стереотипов доказывания, введенное ФЗ №23 от 04.03.2013 г., по-разному воспринято отечественными процессуалистами. Критически оценивает его В.И. Зажицкий [5], группа процессуалистов из г. Волгограда и другие ученые. Автор отмечает, что существенное расширение способов проверки сообщений о преступлении превратит познавательную деятельность в стадии возбуждения уголовного дела в неформальное расследование [6]. В то же время встречаются и суждения, оправдывающие упрощение процесса и предлагающие деформализовать (депроцессуализовать) все досудебное производство. На протяжении ряда лет, еще до принятия ФЗ-23, эту идею развивает А.С. Александров, считая необходимым слить воедино предварительное расследование и уголовное преследование, создать всеохватывающую обвинительную власть, возглавляемую прокурором и подготавливающую материалы для обращения в суд с уголовным иском. Автор предлагает вывести всю досудебную деятельность за про-

цессуальные рамки и превратить ее в сбор информации в различных непроцессуальных формах. Розыск, агентурная работа — это, по мысли автора, неотъемлемый элемент непроцессуальной деятельности по подготовке уголовного иска, призванной заменить собой современное предварительное расследование [7].

Уже после изменений УПК, внесенных ФЗ-23 от 04.03.2013 года некоторые авторы, опираясь на них, признают и пытаются развить идеи А.С. Александрова. Так, А.А. Алимйрзаев с чрезвычайной смелостью утверждает, что лучшим способом упрощения досудебного доказывания была бы ликвидация следственной формы, ее депроцессуализация, отказ от формальных ограничений и превращение досудебного производства в поисково-розыскную деятельность по подготовке уголовного иска, при стирании граней между оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью. Автор, кроме того, выступает за коренное преобразование теории доказательств, предлагая считать доказательством любые сведения, независимо от того, каким способом они получены. И особое значение при этом придается признанию обвиняемого в совершении преступления. Это не «простое доказательство, равное с прочими по своей доказательственной силе», а не требующее подтверждения основание обвинительного приговора, выносимого в особом порядке, так как обвиняемый должен быть хозяином своих доказательств. (Как не вспомнить при этом А.Я. Вышинского, утверждавшего, что по делам о контрреволюционных преступлениях признание обвиняемого имеет особую значимость и является достаточным для обвинительного приговора). Нельзя не отметить, что предлагая отказаться от действующего досудебного производства, автор исходит из того, что оно «лишь умножает процедурные излишества в виде различного рода бюрократических гарантий прав личности, мало значащих в сравнении с неравенством сторон». Этим он позиционирует себя как противник процессуальных гарантий, хотя на досудебном производстве они особенно необходимы [8].

Обобщая все эти суждения, можно прийти к выводу, что автор, как и его идейный наставник — А.С. Александров, обосновывает необходимость реформирования досудебного производства в соответствии с англо-саксонской моделью процесса. Яркой формой его реализации в условиях США является Федеральное бюро расследования, в котором детективы — это и следователи и оперативные работники одновременно, а признание обвиняемого оценивается с позиций теории формальных доказательств, как достаточное для обвинения.

Вряд ли такая реформа будет продуктивной, так как она не отражает ожиданий общественности, а главное — не ясно — будет ли предлагаемая система досудебного производства более эффективной, чем действующая в настоящее время, ибо тенденциозность полиции как в Англии, так и в США (ФБР) нередко приводит к судебным ошибкам, порой трагическим, вызванных тем, что признанию обвиняемого придается особая доказательственная сила.

Небезынтересно отметить, что автор концепции замены отечественного предварительного расследования уголовным розыском — А.С. Александров, не предлагает осуществить ее немедленно, поскольку реформа возможна лишь в контексте демократизации верховной власти, установления подлинного народовластия, без этого не будет ни сильной обвинительной власти, ни независимости суда, ни правопорядка [9].

В отличие от этой осторожной позиции А.А. Алимйрзаев считает, что реформа доказательственного права уже началась и надо развивать тенденцию стирания граней между ОРД и процессуальной деятельностью по формированию доказательств, то есть не откладывать решение этой задачи на неопределенное время. Ученик оказался более смелым, чем его учитель.

Мы же считаем, что положения ФЗ-23 от 04.03.2013 г. об учреждении дознания в сокращенной форме возрождают бытовавшее в прошлом так называемое протокольное производство, от которого законодатель впоследствии отказался ввиду его недемократичности и нарушения гарантий прав и интересов обвиняемого и других участников процесса. Вместе с тем они неоправданно деформируют постулаты теории доказательств, что приводит, к подмене доказывания административными, по сути, приемами познания, смещая его центр на стадию возбуждения уголовного дела. Вряд ли заслуживают одобрения решения законодателя, противоречащие назначению судопроизводства и принципам теории доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск. Акад. МВД. Омск, 2004. С. 179-197; За упразднение стадии возбуждения уголовного дела высказываются многие исследователи. См., например, Круликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6.
2. Деришев Ю.В. Доследственное производство: проблемы и решения // Законодательство и практика. Омск, 2002. №2(6). С. 9.
3. Зайцева Е.А. Федеральный закон от 4 марта 2013 года №23 ФЗ о применении специальных познаний и эрозии правового института судебной экспертизы // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения / Сборник статей под ред. И.С. Дикарева. Волгоград. 2013. С. 38-48.
4. Печников Г.А. Сокращенная форма дознания и объективная истина в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы Законодательной регламентации и проблемы правоприменения / Под ред. И.С. Дикарева. Волгоград: ВГУ. 2013. С. 91, 92.
5. Жажицкий В.И. Дополнения к ст. 144 уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы // Российская юстиция. 2013. №11. С. 28.
6. Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения // Сборник статей под ред. И.С. Дикарева. Волгоград. 2013. С. 111.
7. Александров А.А. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. №9. С. 54-62; он же: К вопросу о создании единого следственного комитета // Вестник СГАП. 2010. №6. С. 17-21.
8. Алимйрзаев А.А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения. Автореф... дисс.канд.юрид.наук. М., 2014. С. 12-24.
9. Александров А.Г. К вопросу о создании единого следственного комитета. С. 121.

THE TRANSFORMATION STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE IN CONNECTION WITH ADOPTION OF THE FEDERAL LAW OF 23 MARCH 4, 2013

© 2014

Shafer S.A., doctor of legal Sciences, Professor
Samara state University, Samara (Russia)

Annotation: Analyzing the last change criminal procedure legislation in the context of the definition of the essence and content of a stage of excitation of criminal case, the author comes to the conclusion about the displacement of the centre of proof from the stage of preliminary investigation stage of criminal proceedings and shows the negative effects of the regulation.

Key words: stage of excitation of criminal case, the proof, the evidence, preliminary examination, procedural guarantees.

УДК 343.131.6

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ*

© 2014

Шестакова Л.А., аспирант
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Аннотация: На основе анализа опубликованной дореволюционной, советской и современной судебной практики автором высказываются предложения о направлениях развития уголовно-процессуального законодательства в целях полного установления предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, восстановительное правосудие, производство по делам несовершеннолетних, медиация, предмет доказывания.

В научной литературе, а также в обзорах судебной практики судов субъектов различных регионов России нередко можно встретить утверждение о том, что практические работники допускают одни и те же нарушения требований закона при рассмотрении уголовных дел, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних лиц. Упрощенный подход к рассмотрению дел этой категории приводит к снижению требовательности к качеству расследования, принятию мер профилактического характера. В свою очередь, изучение таких «закоренелых» нарушений остается актуальным в связи со значительным числом преступлений, ежегодно совершаемых несовершеннолетними лицам.

Ознакомление с литературными источниками, опубликованной дореволюционной судебной практикой по таким делам, а также современной судебной практикой Самарской области (были изучены судебные решения по уголовным делам, совершенным несовершеннолетними, опубликованные в следующих изданиях: 1) Журнал Судеб-

ное обозрение за года 1903 (1-52), 1904 (1-52), 1905 (1-52). В целях проведения сравнительного исследования в тексте статьи также приводится информация о решениях судов Самарской области, рассмотревших дела о преступлениях несовершеннолетних с 2003 по 2012 г. (исследование судебной практики судов Самарской области подготовлено кафедрой уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета на основе выборочного изучения 200 уголовных дел) позволяет утверждать о существовании некоторых «традиционных» нарушений, которые имели место еще при действии Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. и не изжиты до настоящего времени. Среди таких нарушений можно отметить проблемы установления обстоятельств углубленного предмета доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних (выяснение условий жизни семьи несовершеннолетнего, выполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, бытовое окружение и интересы подростка, поведение его дома, в школе, на производстве, участие в общественной работе, наличие предыдущих нарушений и характер мер), которые обуславливают неверное назначение наказания и неприменение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия в тех случаях, когда это возможно.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Компромисс как форма судопроизводства по уголовным делам: традиции, заимствования, перспективы»), проект № 13-13-63003.